

Над темой номера
работал

Сергей
ИВАНОВ¹

Демографические тревоги прошлого и настоящего

Корни демографического алармизма

Озабоченность вопросами народонаселения, в первую очередь его численностью и темпом роста, и, следовательно, рождаемостью, имеет давнюю историю. Можно различить внимание к балансу «нашего» и «чужого» населения и к внутреннему взаимодействию демографических, социальных и экономических процессов, хотя эти аспекты нередко взаимосвязаны. «Внешний» ракурс важен в той мере, в какой численность населения воспринимается как компонент военно-стратегического потенциала, фактор международной безопасности и инструмент культурной экспансии. До самого последнего времени геополитические соображения, как правило, преобладали.

В фокусе политического дискурса обычно находятся в большей мере последствия, чем детерминанты демографических процессов. Это, в общем-то, понятно, но чревато серьезными ошибками, если обсуждение базируется на ложных представлениях о поведении людей. Хотя детерминанты демографических процессов, как и любых других массовых социальных явлений, на самом деле многослойны, они часто и ошибочно кажутся лежащими на поверхности. Отсюда и впечатление, что очевидные и простые политические решения непременно увенчаются успехом, стоит только захотеть.

Между тем переход от риторики к практическим действиям требует понимания механизмов и факторов демографического поведения. Хотя далеко не все вопросы ясны, современная демография и другие общественные дисциплины обнаружили немало важных взаимосвязей, которые были неизвестны несколько десятилетий назад. Это позволяет адекватно структурировать проблему и формулировать разумные вопросы. Крепнет понимание того, что вопросы «почему люди ведут себя так, а не иначе», «что уже делали другие и что из этого вышло» должны предшествовать вопросу «что и как надо делать». Научный подход начинает проникать в средства массовой информации, массовое сознание и политический дискурс, хотя постулируемые, но не доказанные высказывания и сейчас порой обладают большой привлекательностью. Такой подход создает благодатную почву для алармизма, т.е. состояния людей, связанного с беспокойством, повышенной нервозностью, ожиданием апокалипсиса, катастрофы. Опасность демографического алармизма как в том, что он способствует разжиганию шовинизма, национализма, так и в неспособности предложить реалистический выход из проблемной ситуации. Профессионалам следует активно участвовать в политическом дискурсе по демографическим вопросам, правдиво информируя общественность о причинах, сути и последствиях демографических процессов, возможностях и границах воздействия на их интенсивность.

Демографические страхи далекого прошлого

В истории общественной мысли циклически менялся акцент на тот или иной аспект демографической ситуации. В греческой античной цивилизации, успешно противопоставившей эффективную общественно-политическую структуру малонаселенных городов многочисленным персидским армиям, интерес к военно-демографическим вопросам перерос в концепцию оптимума населения, ярко описанного Платоном в «Республике» и «Законах». Римские императоры в целях укрепления государства призывали к максимизации численности населения. Особенно громкими эти призывы стали тогда, когда рост населения затормозился как из-за истощения источников рабского населения, так и из-за снижения рождаемости высших страт свободного населения. Одновременно возросло давление германских племен на границы империи, что привело к росту армии, боевых потерь и экономической нагрузки на крестьян. В конце концов, влияние этих факторов в сочетании с расширением потребностей правящих классов достигло критической величины². Демографическое ослабление Рима часто воспринималось как результат морального разложения аристократии, приносившей ценности семейной жизни в жертву декадентскому гедонизму. При этом обличители не обращали внимание на то, что доля аристократии в населении империи была ничтожна, равно как и прямое воздействие ее репродуктивного поведения на демографическую динамику. По-видимому, другие социальные группы свободного населения в какой-то мере имитировали поведение верхов: иными словами, уже тогда могла происходить впоследствии неоднократно подмеченная диффузия репродуктивного поведения сверху вниз по социальной пирамиде. Однако прямых данных на этот счет немного.

В средневековой Европе библейский завет «плодитесь и размножайтесь» находился в гармонии с политической концепцией власти сюзерена. Эпидемия чумы в 14 веке вызвала громадные человеческие потери, что способствовало возникновению меркантилизма с его постулатом экономической ценности народонаселения. Меркантилисты утверждали, что государство должно способствовать ускорению роста населения, поощряя браки, рождения и иммиграцию и препятствуя эмиграции. Для монархов обширное население было важным атрибутом власти: по выражению Фридриха II, «богатство государства – в числе его поданных». Этот подход пронизывает и труды основателей демографии как самостоятельной научной дисциплины. Так, Зюссмильх³ под влиянием меркантилизма и национальных интересов Пруссии считал, что главной задачей демографии должно быть поощрение роста населения.

Близкие параллели нынешним российским фобиям можно найти в истории Франции 19-20 столетий. Конечно, не только во Франции демографическая проблематика, в особенности ее геополитические аспекты, неоднократно выходили на политическую авансцену. В 19 веке мальтузианская парадигма во многих европейских странах интерпретировалась как призыв к сдерживанию роста населения за рубежом при одновременной озабоченности отрицательными последствиями демографического упадка в своем отечестве. Однако во Франции эти опасения проявились наиболее ярко, устойчиво и чаще, чем где бы то ни было, разделялись всеми политическими группировками.

Франция дольше других стран была озабочена численностью и ростом своего населения. Постоянные опасения демографического упадка были обусловлены именно большим демографическим весом страны, чей статус и влияние в большой степени основывались на размерах ее территории и численности населения. До начала 16-го века во Франции было сосредоточено около 30 процентов населения Европы (без России). Хотя к середине 18-го века эта доля сократилась до 20 процентов, Франция оставалась самой населенной, после России, страной континента.

Замедление роста населения в 18-м веке вызвало опасение утратить важнейшее стратегическое преимущество страны. В начале столетия распространилось мнение, что Франция уже давно вступила в полосу стремительной депопуляции – мнение ложное, поскольку на самом деле рост населения страны продолжался, хотя и замедленными темпами. Люди различных убеждений – от

либералов (Монтескье) до радикалов (Кондорсэ), от меркантилистов (Вобан) до физиократов (Буагильбер, Кенэ) были едины в своих оценках демографических болезней Франции. Теоретик абсолютизма Боссюэ⁴ заявлял, что слава и честь короля зиждятся на числе поданных, а их убыль по вине монарха – позор для него. Монтескье⁵ посвятил много страниц депопуляции и утверждал, что она является результатом скверного правления.

Лозунги о сцепленности государственных интересов с численностью населения несколько поблекли после Великой французской революции. После полувека относительного забвения демографический алармизм возродился с новой силой во второй половине 19-го века и с тех пор часто и надолго возвращается в политический дикурс. В риторике по этому вопросу есть постоянное ядро и привходящие, конъюнктурные элементы.

Доминирующая константа – это озабоченность тем, что демографический «упадок» страны подрывает международное влияние французского государства и французской культуры. Отсюда - страх перед ордами «чужих», угрожающих разложением французского образа жизни и размыванием основ унитарного государства. Эти соображения концентрировались в тревогу по поводу ослабления военного потенциала страны. Все части общественно-политического спектра Франции разделяли эту позицию, дискутировались лишь детали. В течение почти сотни лет — начиная с 1860-х годов и до завершения Второй мировой войны фоном, а можно сказать и причиной, озабоченности демографическим недугом Франции было ослабление ее геополитического положения в Европе сначала в сравнении с Великобританией, а потом все больше – с укреплявшейся Германией. Демографический упадок нередко объявлялся причиной чуть ли не всех проблем, испытываемых страной. Так, встречались утверждения, что недостаточный рост населения вызывает «паралич французской инициативы» и «хроническую национальную депрессию».

После разгрома Франции в войне 1870-1871 годов, создавшей Германскую Империю и Третью Республику во Франции, вопрос народонаселения стал постоянным компонентом риторики и, время от времени, субстанцией политики. Политический дискурс и массовая культура основывались на верной констатации отставания Франции от Германии по уровню рождаемости и меняющегося не в пользу Франции соотношения численности населения двух стран. А вот представление о депопуляции не соответствовало действительности: переписи показывали рост населения страны, что было известно специалистам (табл. 1).

Таблица 1. Некоторые демографические показатели Франции и Германии в 19 веке

Показатель	Германия	Франция	Соотношение
Суммарный коэффициент рождаемости (нач. 20 в.)	4,4	2,8	1,6
Население в 1800 году, млн. человек	21	27	0,8
Население в 1910 году млн. человек	65	40	1,6

Источники: Chesnais, Jean Claude (1986). *La transition démographique. Etapes, formes, implications économiques*. Paris: Presses Universitaires de France (INED, Cahiers et documents, Cahier no. 113); Höhn, Charlotte (1991). Germany. In *European Population. I. Country Analysis*. Ed. By Jean-Louis Rallu and Allain Blum. Paris: Editions John Libbey Eurotex; Pressat, Roland. (1991). La France. In *European Population. I. Country Analysis*. Ed. By Jean-Louis Rallu and Allain Blum. Paris: Editions John Libbey Eurotext

Лондонская Times (1883 год) писала, что очень многие французы считают убыль населения одной из причин национального упадка и с горестью прочат гибель Галлии. Крупный демограф Дюмон⁶ настаивал, что нация должна обладать достаточно плотным населением, чтобы поддерживать равновесие со своими соседями; поскольку Франции не удалось этого добиться, страна-

знаменосец республиканизма превратилась в заложницу монархической и реакционной Европы. Противоречие между силой национального духа и слабостью плоти широко обсуждалось на протяжении десяти лет, предшествовавших Первой мировой войне. Широко распространены были утверждения, что отставание Франции от соседних держав по темпу роста населения представляет собой серьезную угрозу военной мощи страны. Медленный или отрицательный прирост населения ограничивает число призывников, что вынуждает Францию отказываться от наступательных военных планов, делает ее заложницей военных союзов, подогревает захватнические планы врагов. Президент Академии Моральных и Политических Наук Альфред де Фовиль риторически вопрошал, на что могут в этих условиях рассчитывать наши дети и внуки в грядущих конфликтах, какими бы доблестными они ни были.

К отжившим, в настоящее время преодоленным везде, кроме России, тезисам демографического алармизма можно отнести морально-этическую критику низкой рождаемости. Во Франции такой ракурс был весьма популярен на протяжении ряда исторических этапов. В 19-м веке был распространено мнение, что малодетность свидетельствует о падении нравов и вырождении нации в современной Франции точно так же, как и применительно к Римской империи периода упадка. Показательно заявление в 1873 году иезуитского священника Пьера Тулемона, объявившего поражение Наполеона II в 1871 году и кровавое подавление Парижской Коммуны божественным наказанием Франции за грех контрацепции⁷.

Подобные заявления были популярны в то время, когда католики и другие консервативные силы, противостоявшие Третьей Республике, были не в состоянии предложить более конкретные объяснения поражения своего класса и страны. Эти взгляды в той или иной мере разделяли люди самых разных убеждений и политических взглядов. Либерал Э. Брие в пьесе «Три дочери господина Дюпона»⁸ и романе «Материнство»⁹ разоблачал лицемерие буржуа, которые на публике поднимают пронаталистский флаг, а на самом деле не только не стремятся облегчить участь больших рабочих семей, но и преследуют многодетных матерей и заставляют своих жен отказываться от материнства. Роман члена Французской Академии П. Бурже «Этап»¹⁰ пропагандировал возврат к простым ценностям семьи, общественной иерархии, церкви. Э. Золя, страстный проповедник республиканских ценностей и яростный разоблачитель несправедливостей капитализма, был одним из основателей Национального объединения в поддержку роста французского населения. Роман Золя «Плодородие»¹¹ стал гимном многодетности, которая, по мнению писателя, только и могла восстановить единство нации и обеспечить ее предназначение в мире.

При этом стержнем демографического алармизма долгое время оставались военно-стратегические соображения. Следует признать, что в эпоху, когда военная мощь в гораздо большей степени, чем сейчас, определялась размером армий, озабоченность «демографической слабостью» часто выглядела обоснованной. Так, перед Первой мировой войной и французская и германская армии комплектовались посредством всеобщей воинской повинности. Поскольку численность когорт призывного возраста в Германии втрое превосходила численность таких когорт во Франции, французское правительство сочло нужным призывать две трети призывных когорт по сравнению с одной четвертью в Германии, причем молодые люди с ограниченной годностью направлялись не в резерв, а на строевую службу. Это влекло за собой одержимость идеей повышения рождаемости – несмотря на то, что такое повышение в принципе не может привести к искомому эффектам раньше через два десятилетия, т.е. за пределами горизонта реалистичного военно-стратегического планирования. Между тем более чем двукратное по численности населения превосходство Антанты над Срединными державами (а с учетом колоний – многократное) не остановили Германию, Австро-Венгрию и Турцию от развязывания войны, как, впрочем, не остановили они ни завоевательные походы Александра Македонского, ни территориальную экспансию Римской империи, ни Наполеоновские походы, ни фашистскую агрессию. Численные соотношения вооруженных сил реально не сыграли, на стратегическом уровне, столь уж значимой роли и в Первой мировой войне.

В период между двумя мировыми войнами отставание от Германии по темпам роста населения продолжало сильно тревожить общественное мнение и политические силы Франции. Уже в 1919 году премьер-министр Ж. Клемансо заявлял, что как бы суровы ни были условия Версальского договора и как бы полна ни была демилитаризация Германии, Франция будет обречена, если рождаемость будет оставаться столь же низкой. Четыре года спустя премьер-министр Р. Пуанкаре заявил, что падение рождаемости и международная нестабильность идут рука об руку. Депутат Национального Собрания Ф. Лоран объявлял низкую рождаемость первостепенным и даже важнейшим вопросом национальной безопасности.

Поражение Франции в 1940 году лишь усилило стремление свалить политические просчеты и военные неудачи на демографический фактор. Вишистское правительство с энтузиазмом осудило упадок Третьей Республики. Активная пропаганда семейных ценностей, которые «приобрели особое значение», выразилась в лозунге коллаборационистского режима А.-Ф. Петэна «Труд, Семья, Страна», что по существу означало победу коллективизма над индивидуальным сознанием. Режим организовывал фестивали семейной культуры, учредил медали, которыми награждали многодетных матерей, воспитывал подрастающее поколение в атмосфере уважения «настоящих» ценностей французской семьи. Члены Сопротивления не разделяли никакие политические взгляды и этические установки своих соотечественников-коллаборационистов, кроме убежденности в том, что снижение рождаемости – одна из важнейших, если не главная причина заката Франции. А. Сови и Р. Дебрэ писали сразу после окончания Второй мировой войны, что проблема населения является единственной реальной проблемой Франции, а разгром 1940 года связан с опасным склерозом нации, порожденным низкой рождаемостью. По их мнению, престарелые были склонны подчиниться оккупантам, в то время как молодежь принимала участие в борьбе за независимость и свободу¹².

Послевоенный ракурс политического дискурса

После Второй мировой войны военно-демографические тревоги ослабли как во Франции, так и во всем индустриальном мире. Техническая оснащенность и человеческий капитал превратились в прочные основы военного паритета. Кроме того, Германия, которая на протяжении длительного исторического срока была врагом и стандартом, по которому измерялась боеготовность Франции, превратилась в союзника.

То, что военно-стратегические компоненты демографических тревог в принципе отмерли, не означает, что динамика населения отошла на второй план политического дискурса. Во многих, а в последнее время практически во всех странах рождаемость продолжает оставаться в поле внимания государств и общественности, подчас порождая острую полемику. Однако ракурс обсуждения этой проблемы изменился. Одно время акцент сместился, с одной стороны, на демографический взрыв в развивающихся странах и, с другой стороны, на старение населения и депопуляцию развитых стран. Масштабы обоих явлений впечатляют, их геополитические и экономические последствия реальны и долговременны, а причины сводятся к рождаемости, но с «разным знаком»: демографический взрыв есть следствие высокой рождаемости, в то время как старение населения – главным образом, а депопуляция – исключительно связаны с низкой рождаемостью. Поскольку из этого следует, что хорошо было бы увеличить рождаемость на Севере и сократить ее на Юге, универсальную «демографическую политику» объективно оказывается не так-то просто обосновать. Исторически эта проблема была частично снята вследствие того, что демографическая проблематика «третьего мира» вышла на арену в 1950-х годах, а демографическое старение и депопуляция вошли в политический дискурс на несколько десятилетий позднее. Рассмотрим политические заявления по этим вопросам в таком же хронологическом порядке.

Констатация ускорения демографического роста в регионах Юга совпала с деколонизацией и американской оккупацией Японии. Впоследствии проблематика быстрого роста населения и высокой рождаемости в развивающихся странах заняла выдающееся место во внешней политике

западных стран и в деятельности международных организаций. На этот раз, в отличие от предыдущих попыток повлиять на демографическую динамику «в лоб», разработке конкретных действий предшествовал адекватный анализ детерминации демографических процессов. В последние десятилетия 20 века глобальные аспекты демографической динамики стали очень популярны. Красной нитью книги Д. и Д. Медоузов «Пределы роста»¹³ и последующих докладах Римскому клубу был тезис о разрушительном влиянии роста населения и промышленного производства на глобальную экологическую систему. С интервалом в 20 лет эти же взгляды были сформулированы в более дипломатически приемлемой форме на Всемирной конференции ООН по устойчивому развитию. Соответствующие пассажи Программы действий¹⁴ представляют собой очевидный компромисс между, с одной стороны, точкой зрения развитого Севера о разумности учета численности населения и темпов его роста в определении ответственности стран за загрязнение окружающей среды и изменения климата планеты и, с другой стороны, позицией развивающегося Юга о недопустимости подмены проблемы расточительного потребления на Севере демографическими характеристиками Юга и вытекающими отсюда ограничениями на его догоняющее развитие.

Эколого-демографические взаимосвязи особенно часто обсуждались в 1970-е-1990-е годы в прессе Великобритании, США и Франции – странах, где глобальная экологическая проблематика особенно популярна, в то время как рождаемость относительно высока. Желательность сокращения рождаемости в развивающихся странах Юга вытекает из представления о быстром росте населения как крупной компоненте возрастающего давления на глобальные экологические структуры. Поэтому благоприятные экологические последствия сокращения рождаемости обычно отмечаются в статьях, специально посвященных развивающимся странам. В рамках парадигмы всеобщности прав трудно совместить пропаганду снижения рождаемости на Юге с призывами увеличить ее на Севере. Еще труднее это сделать, исходя из самой парадигмы глобального равновесия, ибо прирост населения Севера имеет многократно большую экологическую цену, чем количественно такой же прирост населения Юга.

Современный дискурс: проблема низкой рождаемости

На рубеже столетий особую остроту стала приобретать проблематика низкой рождаемости. В отличие от прошлых периодов, для академических кругов, общественности и политических деятелей в настоящее время интерес представляют не столько геополитические, сколько экономические, социальные и внутривнутриполитические последствия низкой рождаемости. Как показали исследования, старение населения и его возможная убыль ставят под угрозу платежеспособность пенсионных систем и других социальных служб, ведут к напряжениям на рынке труда, смещают политический баланс в пользу престарелых, и, возможно, в долгосрочной перспективе ограничивают инновационный потенциал и экономический рост. Негативное отношение к демографическому старению хорошо иллюстрируется высказыванием А. Сови: «...малодетность порождает население, которое состоит из старых людей, переживающих старые идеи в старых домах»¹⁵. Следует отметить, что многие из отмеченных последствий вполне вероятны, некоторые (такие, как проблемы пенсионной системы) неизбежны, однако в науке нет консенсуса по вопросу об интегральной оценке последствий низкой рождаемости и старения населения. Так, даже поверхностное наблюдение опровергает мнение Сови: «старые» (уж наверняка значительно состарившиеся со времени, когда Сови дал столь резкую оценку) общества западных стран продолжают активно генерировать научно-техническую мысль, произведения искусства и социальные новшества. Кроме того, не исключено, что низкая рождаемость имеет и положительные последствия. Так, члены малочисленных когорт обладают, при прочих равных условиях, преимуществами в доступе на рынки труда, образования и жилья¹⁶. И, конечно, торможение и тем более прекращение роста населения привлекательно в парадигме глобальной системной динамики.

В прессе западных стран – а в последние годы и в России, систематически публикуются статистические материалы об уровнях и тенденциях рождаемости. Такие публикации сами по себе не обязательно свидетельствуют об особом общественном интересе к рождаемости:

статистические данные по большому кругу вопросов более или менее часто публикуются в массовой прессе, их тематика и периодичность в значительной мере зависят от характера изданий. Однако в некоторых странах данные об уровне и тенденциях рождаемости как таковых давно и прочно занимают немаловажное место в общественном дискурсе. Наиболее ярким примером в этом отношении является Франция, где длительная и непрерывная традиция озабоченности демографическим положением в стране обуславливает, среди прочего, подробное обсуждение в ведущих национальных изданиях ежегодных официальных докладов по этому вопросу. Кстати, такой подход не только поддерживает общественный интерес к демографической проблематике, но и способствует зачастую более спокойному, чем в других странах, взвешенному обсуждению вопросов рождаемости. Российская пресса обсуждает демографические вопросы чрезмерно ангажированно, часто неправильно интерпретирует показатели и не знает, где же надо черпать факты и что с ними делать. В результате некоторое количество хороших статей соседствует с большим числом низкокачественных материалов и дискурс, будучи объемным и громким, остается на невысоком качественном уровне.

Как показали Х.-П. Колер и Л. Старк¹⁷ в обзоре 437 статей, опубликованных в газетах одиннадцати стран Запада, обсуждение низкой рождаемости в средствах массовой информации имеет как общие элементы, так и специфические черты, свойственные группам стран. Общими являются два элемента. Во-первых, это упор на последствия и корректирующие меры, а не на причины низкой рождаемости. Во-вторых, пресса, как правило, интерпретирует низкую рождаемость как однозначно негативное явление, в то время как ее причины на самом деле связаны с социальным и экономическим прогрессом. Национальные особенности связаны, по-видимому, с демографическим опытом стран: продолжительностью периода, когда рождаемость находилась ниже уровня простого воспроизводства, скоростью с которой она пересекла этот порог; а также с достигнутым уровнем дискурса.

Наиболее активно проблематика низкой рождаемости обсуждается в Италии, Франции, Австрии, Японии и Австралии. Статьи оперируют, как правило, суммарным коэффициентом рождаемости, хотя встречается и общий коэффициент рождаемости. Показательно, что нигде не делается различий между когортными и конъюнктурными индикаторами. Хотя часто предмет рассмотрения определяется как рождаемость ниже уровня замещения поколений, иногда низкая рождаемость понимается как сам собой разумеющийся термин, не требующий количественных дефиниций. Одни авторы статей занимают нейтральную позицию по отношению к приводимым аргументам, а другие преимущественно используют либо слова с отрицательной коннотацией (кризис, страх, угроза) либо слова с положительной коннотацией (прогресс, победа). Последствия низкой рождаемости в целом определяются как отрицательные в двух третях статей, как нейтральные в одной трети и как положительные лишь в пяти процентах. Однако есть отчетливые межстрановые различия. В европейских странах (кроме Франции) и в Японии, где рождаемость давно особенно низка, доля отрицательных оценок этого феномена достигает 80 процентов. В то же время во Франции и США, для которых характерна сравнительно высокая рождаемость, отрицательные оценки в целом балансируются нейтральными. Показательно, что в большинстве стран практически только национальные проблемы привлекают внимание прессы; лишь в английских, американских и швейцарских статьях обсуждение иногда ведется в международном ракурсе.

Всего треть статей упоминает факторы рождаемости, причем разброс велик – от 10 процентов в Японии до 75 процентов в Испании. Только в Австралии, Италии, Испании и Франции в статистически значимом числе источников (более 20) рассматривались различные детерминанты рождаемости, причем их вес существенно различается (табл. 2, рис. 1).

Таблица 2. Распределение факторов рождаемости, упомянутых в популярной прессе четырех стран, в процентах

Факторы рождаемости	Австралия	Франция	Италия	Испания
Положение женщин	57	55	39	19
Экономическая среда	33	21	22	22
Знание контрацепции	17	36	13	7
Семейная политика	40	27	35	19
Культурная среда	40	39	57	57
Затраты на детей	10	9	26	26

Примечание: в материале могло быть упомянуто более одной причины.

Источник: Kohler, Hans-Peter and Laura Stark (2000). The Public Perception and Discussion of Falling Birth Rates: The Recent Debate Over Low Fertility in the Popular Press. Max Plank Institute for Demographic Research. WP 2000-009 (<http://www.demogr.mpg.de>).

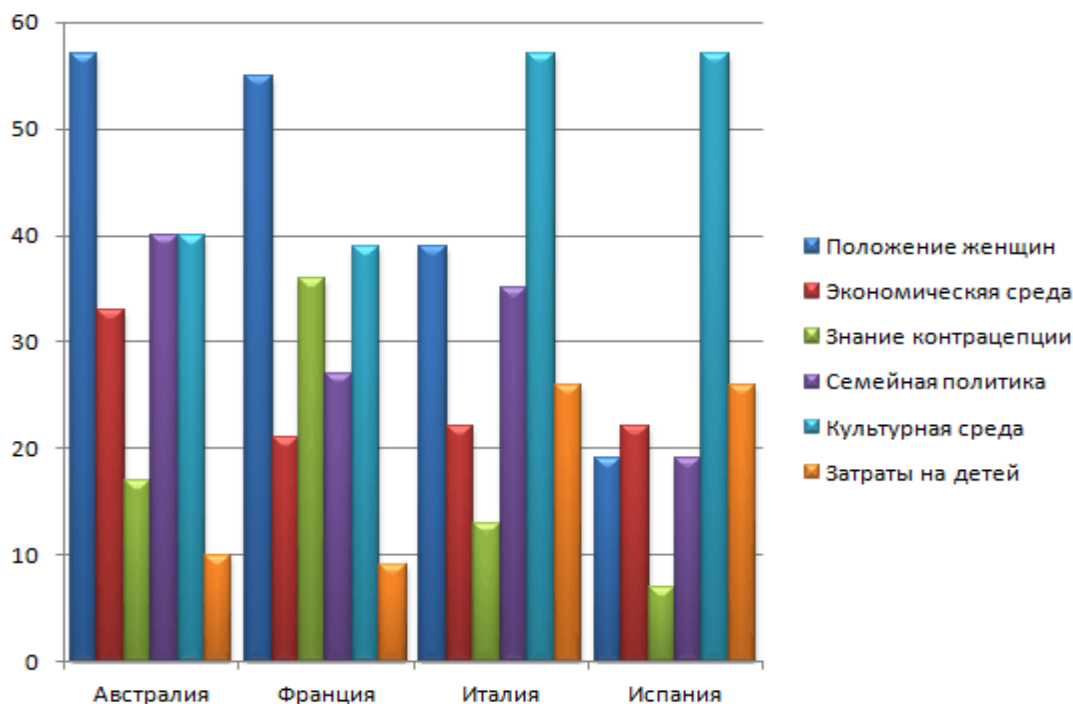

Рисунок 1. Распределение факторов рождаемости, упомянутых в популярной прессе четырех стран, в процентах

Примечание: в материале могло быть упомянуто более одной причины

Источник: Kohler, Hans-Peter and Laura Stark (2000). The Public Perception and Discussion of Falling Birth Rates: The Recent Debate Over Low Fertility in the Popular Press. Max Plank Institute for Demographic Research. WP 2000-009 (<http://www.demogr.mpg.de>).

Гендерное равноправие и культурная среда упоминаются наиболее часто. Наблюдается отчетливая двойственность в оценках изменений в общественном положении женщин и развития гендерного равноправия. С одной стороны, когда речь не идет о рождаемости, в прессе крайне редко оспаривается позитивный характер этого компонента модернизации. Сюжеты репродуктивного поведения меняют перспективу: поскольку низкая рождаемость считается негативным явлением, то эта оценка распространяется и на гендерное равноправие. Из числа проанализированных Колером и Старк статей по проблематике низкой рождаемости только четверть оценивает изменение положения женщин в обществе положительно, а в половине статей этот фактор считается отрицательным. «Фоновые» экономические характеристики – такие как участие женщин на рынке труда, привлекательность и доступность ресурсов потребления, растущая неустойчивость занятости упоминаются не реже, а то и чаще, чем прямые затраты на детей. Семейная политика, т.е. финансовая и другая поддержка семей со стороны государства и предпринимателей, повсеместно привлекают широкое внимание. Между тем массовый дискурс редко признает за контрацепцией значимую роль в детерминации уровня рождаемости. В этом смысле исключения составляют Франция и Россия: во Франции считают, что контрацепция помогает реализовать репродуктивные планы, в то время как в России до сих пор распространена точка зрения, что если бы не было контрацепции, то рождаемость была бы выше.

На Западе в течение последних десятилетий рождаемость снижалась на фоне устойчивого роста благосостояния. Поэтому, а не вследствие лучшей осведомленности о научных исследованиях, редко встречаются утверждения о том, что скудные материальные возможности, экономические кризисы заставляют людей отказываться от деторождения. В России ситуация принципиально иная. В прессе господствует представление о том, что тяготы, а точнее – реформаторы 1990-х ответственны за «обвал рождаемости». Критические аргументы специалистов о том, что падение рождаемости в стране имеет очень давнюю историю, а по ее уровню Россия не отличается от большинства стран благополучного Запада, не находят отклика.

Последствия низкой рождаемости и поиски решения проблемы

Хотя причины низкой рождаемости намного чаще, чем раньше, упоминаются в западной прессе, основное внимание все же уделяется ее последствиям. В этом вроде бы ничего нового нет: и в отдаленном, и в сравнительно близком прошлом заботы вызывало главным образом то, к чему ведет низкая рождаемость, а не то, что ее порождает. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в западных странах акценты смещаются с внешних, геополитических обстоятельств на внутренние проблемы, и значительно расширяется спектр обсуждаемых эффектов. Показателен также рост числа публикаций, рассматривающих детерминанты и последствия низкой рождаемости не только отдельно, но и сцепленно, т.е. в ракурсе системных взаимосвязей. Этот подход особенно распространен, когда внимание концентрируется на социально-культурном контексте репродуктивного поведения, что нередко делает возможным сбалансированное раскрытие темы. Особенностью нынешних популярных дискуссий является также вполне адекватное рассмотрение большинства последствий низкой рождаемости через призму старения населения.

Повсеместно наибольшее внимание привлекает триада «экономический рост – трудовые ресурсы – пенсионная система» (табл. 3, рис. 2), причем всегда подчеркивается негативное воздействие низкой рождаемости на эти компоненты экономической системы. Редкие статьи обращают внимание на то, что малодетность может ускорять экономический рост или снижать уровень безработицы. Часто упоминается неизбежное сжатие рынка, необходимость увеличения налогов и социальных выплат. Вымирание многочисленных поколений бэби-бума приведет к тому, что ко времени, когда будет погашена нынешняя ипотечная задолженность, цены на жилье упадут. Немало статей уделяет внимание воздействию низкой рождаемости на физическую и социальную инфраструктуру, акцентируя внимание на таких негативных сторонах, как сокращение числа школ и усугубление трудностей планирования школьного образования. Так, немецкая и итальянская пресса сообщает, что в ряде городов уволены тысячи учителей; система водоснабжения

нуждается в дорогостоящей перестройке, потому что снижение водопотребления сопровождается накоплением опасной для здоровья стоячей воды.

Таблица 3. Распределение последствий низкой рождаемости, упомянутых в популярной прессе шести стран, в процентах

Сферы, на которые оказывает влияние низкая рождаемость	Франция	Германия	Япония	Италия	Испания	Великобритания	США
Экономика, занятость, пенсии	70	43	59	32	38	57	63
«Здоровье нации»	49	4	9	16	16	25	19
Окружающая среда	15	4	0	0	0	18	19
Семейные структуры	5	0	0	10	23	11	6
Социальная структура	16	7	9	13	4	4	6
Инфраструктура	0	43	18	16	12	7	6
Другие	2	14	23	19	8	18	6

Примечание: в материале могло быть упомянуто более одной причины

Источник: Kohler, Hans-Peter and Laura Stark (2000). The Public Perception and Discussion of Falling Birth Rates: The Recent Debate Over Low Fertility in the Popular Press. Max Plank Institute for Demographic Research. WP 2000-009 (<http://www.demogr.mpg.de>).

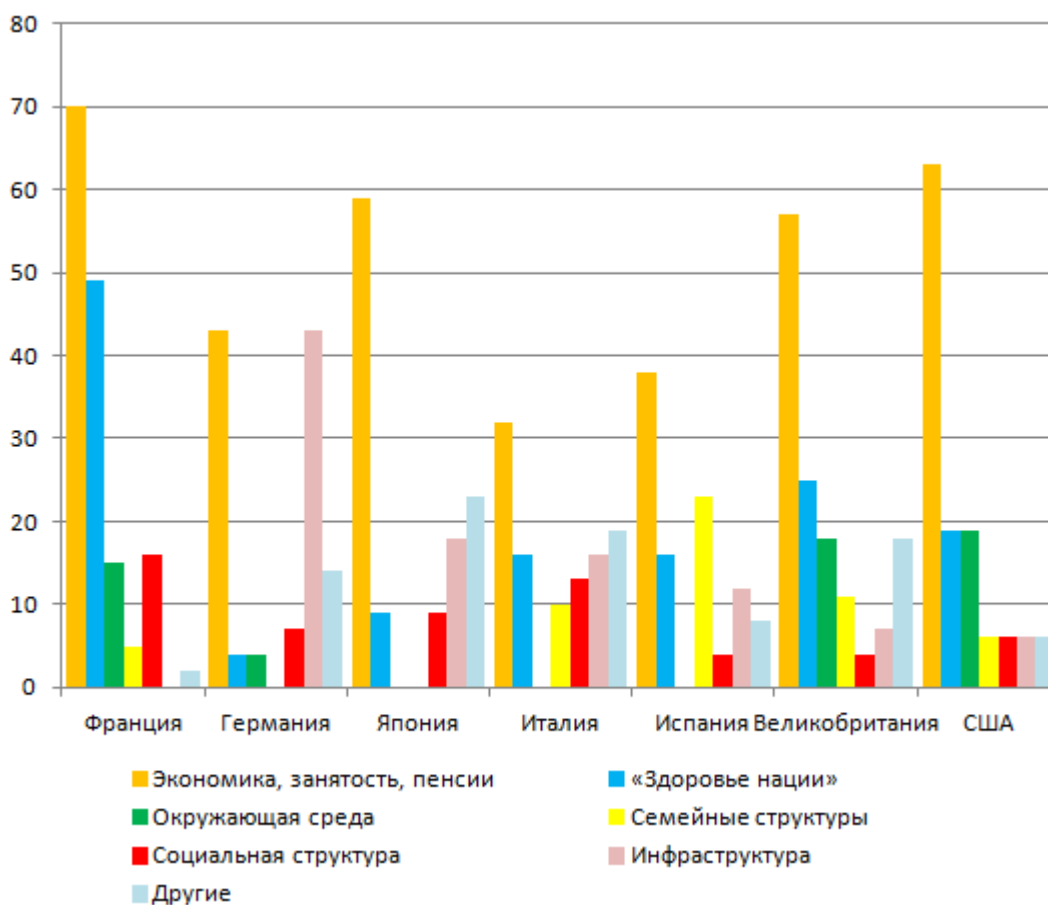

Рисунок 2. Распределение последствий низкой рождаемости, упомянутых в популярной прессе шести стран, в процентах

Примечание: в материале могло быть упомянуто более одной причины

Источник: Kohler, Hans-Peter and Laura Stark (2000). The Public Perception and Discussion of Falling Birth Rates: The Recent Debate Over Low Fertility in the Popular Press. Max Plank Institute for Demographic Research. WP 2000-009 (<http://www.demogr.mpg.de>).

Патриотические аргументы в риторике по вопросам рождаемости хотя и отошли на второй план в большинстве западных стран, их влияние, если судить по частоте соответствующих публикаций, весьма значительно. Исключение составляют Германия и Япония, где демографическая аргументация занимала важное место в милитаристских доктринах; общественный климат и государственное строительство в послевоенный период затабуировали рассмотрение демографических вопросов в такой плоскости.

В патриотическом дискурсе акцент переместился с военно-стратегических на экономические и культурные аспекты «здоровья нации» и демографического веса страны и региона. Во Франции тревога по поводу подрыва количественной силы и демографической жизнеспособности нации в значительной мере уступила место удовлетворенности национальным уровнем рождаемости – существенно более высоким, чем в соседних странах. Однако интерес к широким социальным и геополитическим аспектам малодетности во Франции не угас. География патриотической тематики расширилась, включив Австралию, Великобританию и Новую Зеландию. В этом плане можно

интерпретировать отсылки к «сокращению энергетики народа», «похолоданию общественного климата», подрыву устойчивости культурной и психологической среды в результате падения рождаемости. Так, в Великобритании встречаются высказывания, что снижение рождаемости может быть и благом для планеты, но оно, несомненно, беда для нации. В Австралии нередки утверждения, что результатами низкой рождаемости стали дряхлеющее общество, вступившее на путь окончательного упадка, растущее давление со стороны соседних стран и потеря международного влияния. Папа Римский Иоанн-Павел II в выступлении перед итальянским парламентом в ноябре 2002 года сказал, что кризис рождаемости в Италии представляет собой серьезную опасность для будущего страны. В европейских изданиях нередко высказывается опасение, что демографические тенденции подрывают конкурентоспособность континента, особенно по отношению к США, где высокая рождаемость поддерживает демографический рост, молодость и жизнеспособность нации.

В России демографические страсти особенно сильно накалились и почти всегда связаны с геополитическим и военным аспектами проблемы. Выражения типа «вымирание нации», «уничтожение генофонда» и т.п. стали расхожими клише. Нередко можно слышать или читать заявления, что сокращение населения является прямой угрозой национальной безопасности или, ещё страшнее, - самому сохранению России как государства. Как отмечалось в проекте «Основ государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 года», низкая рождаемость настолько подорвет обороноспособность страны, что «будет негативно влиять на вопросы военного строительства до конца первой трети XXI века»¹⁸.

Некоторые статьи в западной прессе отмечают долговременные и не столь очевидные последствия снижения рождаемости для семейных и других социальных структур. Например, иногда внимание авторов привлекает предположение, что уменьшение размеров семьи, редкость братьев и сестер, исчезновение нитей косвенного родства приведут к распространению еще более индивидуалистического и атомизированного образа жизни. По мнению некоторых авторов, новые социальные определения возрастных групп приведут к возникновению общества, коренным образом отличающегося от нынешнего.

Итак, низкая рождаемость в развитых странах за последнее десятилетие стала широко обсуждаемой проблемой, нередко выходящей на первые полосы ведущих газет. Более того, в последние годы эта долгосрочная проблема стала подаваться в сенсационном ключе. Краткий обзор обсуждения в современной прессе проблематики низкой рождаемости в развитых странах позволяет прийти к выводу, что общественному мнению по-прежнему более интересны последствия, чем детерминанты демографических процессов. Вместе с тем, когда причины малодетности обсуждаются, то, как правило, такое обсуждение включает, в отличие от прошлого периода, элементы многостороннего, комплексного подхода; (за исключением отдельных стран – главным образом России), редко встречаются попытки найти одного «виновного». Когда речь идет о последствиях, то акцент на военно-стратегические аспекты численности национального населения и его соотношения с сопредельными странами явно, опять-таки за исключением России, сместился на разнообразные экономические и социальные последствия изменения его возрастной структуры. Вместе с тем уже начавшееся в ряде стран и неминуемо предстоящее другим странам снижение численности населения – в результате низкой рождаемости, что хорошо понятно широкой публике — вновь выводит проблему депопуляции в разряд видного элемента общественного дискурса.

Вопрос о том, что следует предпринять для решения проблем, порождаемых малодетностью, широко обсуждается в печати. Хотя далеко не все статьи рассматривают возможные решения проблемы, примерно в половине проанализированных Колером и Старк материалов этот вопрос поднимается. Характерно, что в последнее время нередко обсуждаются не только лежащие на поверхности средства прямого воздействия на рождаемость, но и, с одной стороны, весьма тонкие, «фоновые» параметры репродуктивного поведения, а с другой, - приспособительные мероприятия. Сама постановка вопроса в массовой печати, как правило, предполагает, что у

проблемы есть решение, т.е. можно либо поднять рождаемость, либо эффективно приспособиться к ее нынешнему низкому уровню.

Наибольшие надежды возлагаются на хорошо знакомую по коллективному и индивидуальному опыту, и по обильной информации, политику государства, направленную на создание благоприятных условий для деторождения и семейной жизни. При этом для западных обществ характерно очень осторожное отношение к самой идее воздействия государства на репродуктивное поведение. Оно считается полностью относящимся к сфере прав индивида и семьи, а государство не имеет права вторгаться в эту сферу, но обязано способствовать реализации репродуктивных остановок, если его о том попросят. Поэтому словосочетание «демографическая политика» встречается крайне редко (используется понятие «семейная политика»), равно как и примеры постановки количественных целей. Такая позиция сочетается с отношением к низкой рождаемости как с серьезной общественной проблеме. Следует отметить, что граждане западных стран в целом неплохо осведомлены о демографической ситуации, чему способствует система образования и корректное освещение этих вопросов в средствах массовой информации. Во Франции, к примеру, ежегодный официальный доклад о демографическом положении в стране освещается на первых страницах национальных газет. В результате очень многие люди понимают, скажем, разницу между числом рождений и уровнем рождаемости. К сожалению, в России это понимание чуждо как общественному мнению, так и правительственным органам, непосредственно ответственным за государственные программы в этой области.

Интересно, что демографическая политика реже всего упоминается во французской и швейцарской прессе – т.е. именно в тех странах, где она имеет особенно продолжительную историю. Объяснением этого может быть тривиальность этого ракурса проблемы: для средств массовой информации не типично останавливаться на хорошо известных консенсусных вопросах. Наряду с демографической политикой все чаще речь идет о мерах воздействия на культурную среду, формирующую низкую рождаемость. По этому вопросу высказываются полярные точки зрения, причем авторы зачастую излагают только один близкий им вариант. На одной стороне стоят защитники традиционных ценностей, призывающие укреплять формы семьи, основанные на роли мужчины-добытчика и женщины-хранительницы очага. На другой стороне находятся адепты либеральной модернизации, считающие, что следует добиваться равноправия различных форм семейных союзов и равенства женщин и мужчин во всех, в том числе семейной, областях. Характерно, что во всех американских статьях, включающих проблематику воздействия на рождаемость, высказывается модернистская точка зрения, в то время как во всех итальянских – традиционалистская. Известно, что рождаемость в США – максимальна для развитых стран, а в Италии рекордно низка. Видимо, это соотношение не случайно.

Парадоксально, что в то время как нигде, кроме Франции, не считается, что использование контрацепции оказывает влияние на уровень рождаемости, иногда высказывается точка зрения, что для повышения рождаемости надо бы ограничить доступ к соответствующим услугам, причем как раз во французской прессе не найти подобных рекомендаций. Эта точка зрения встречается в статьях, опубликованных в австралийской, австрийской, английской и новозеландской прессе. В российской прессе также нередко раздаются призывы ограничить контрацептивную практику.

И, наконец, эффективной мерой подъема рождаемости нередко объявляется ревитализация экономики, которая поможет поднять моральный дух и облегчить воспитание детей. Особенно часто такая точка зрения высказывается в странах, испытывающих особенно экономический спад, – Германии, Японии и России.

К сожалению, не удалось найти обзора прессы по демографической проблематике, составленного аналогично анализу Колера и Старк и охватывающего 2000-ые годы. Представляется обоснованным предположение, что озабоченность депопуляцией «кристаллизовалась», по меньшей мере, в некоторых странах с особенно низкой рождаемостью, что означает ее отрыв от

экономического цикла. Однако проверить это предположение непросто из-за глобального затяжного экономического кризиса конца 2000-х-начала 2010-х годов.

В той мере, в какой последствия низкой рождаемости представляются важными, а демографическая политика – далеко не такой результативной, как хотелось бы, имеет смысл озадачиться вопросом, а нельзя ли как-то по-другому решать проблему суженного воспроизводства трудовых ресурсов. Мало того, какой бы ни была демографическая политика сейчас, ее «трудовой эффект» скажется не ранее чем через 15 лет. Следовательно, к нежелательным тенденциям в естественном воспроизводстве населения следует адаптироваться. Меры приспособительной политики могут включать рост иммиграции; большее вовлечение в экономику неиспользуемых трудовых ресурсов (женщин, молодежи, пожилых); интенсификацию использования труда (удлинение рабочей недели, повышение пенсионного возраста, пенсионные реформы); повышение производительности труда. Экономическая ценность и общественная приемлемость повышения производительности труда бесспорны, поскольку оно осуществляется в основном путем технологического прогресса, который ущемляет мало чьи интересы. Проблема, однако, в том, что реальный (а подчас даже нафантазированный) рост производительности труда мало где компенсирует сокращение трудовых ресурсов. Остальные из перечисленных выше мер объединяет не только то, что все они дадут значительный компенсационный эффект, но и их непопулярность. В демократических обществах законопроекты по этим вопросам наталкиваются на сопротивление избирателей и профсоюзов. Авторитарные государства в состоянии навязать обществу многие решения, в том числе и в трудовой области, но ценой нарастания социальной напряженности. Кроме того, авторитарным обществам плохо удается технологическое развитие.

Большую волну откликов в прессе и оживленных дискуссий подняла работа Отдела народонаселения ООН по замещающей миграции¹⁹. Наибольшую реакцию вызвали расчеты, показывающие, что неизбежно сократится и постареет население крупнейших стран, если рождаемость и миграция останутся на прежнем уровне и, с другой стороны, какие грандиозные числа мигрантов необходимы, чтобы компенсировать низкую рождаемость. Сотни статей по этому поводу, опубликованные в западной прессе, подхлестнули и без того острую дискуссию по проблемам международной миграции. Наряду с серьезным изложением различных точек зрения в ряде статей, многие популярные издания придали характер сенсационности в общем-то очевидным расчетам, акцентировав внимание на иммиграции как необходимом и вместе с тем нереальном (по требуемым масштабам) способе избежать старения. Между тем упомянутое в первоисточнике альтернативное решение – увеличение пенсионного возраста – часто игнорировалось потому, что такой рецепт менее драматичен и вместе с тем крайне непривлекателен. Следует иметь в виду, что нынешние аргументы в пользу увеличения пенсионного возраста обуславливаются несбалансированностью пенсионных систем (из-за старения населения), а не грозящим дефицитом трудовых ресурсов.

Однако в странах Запада волна газетных дискуссий по докладу ООН прошла и мало что оставила за собой. Это произошло не потому, что миграция или депопуляция утратили актуальность. Актуальности эти темы не утратили, но стало политически некорректным рассматривать их во взаимосвязи. Иммиграция стала болевой точкой большинства европейских обществ, причем ослаб акцент на вопросе о конкуренции на рынке труда, якобы противоречащей интересам низкооплачиваемых граждан. В последнее время бурные дискуссии разворачиваются между либерализмом, отстаивающим интересы иммигрантов с позиций универсальных прав человека и демократических ценностей, и (условно) консервативной идеологией, заявляющей о провале интеграционной политики, губительном конфликте цивилизаций и необходимости оградить страну от вторжения чужих и чуждых людей. В России это направление развивается в особо радикальных формах, часто оказывающихся агрессивной ксенофобией, замешанной на сплыве привычки к тоталитаризму, пренебрежения законами собственной страны и настроенного отношения к согражданам, относящимся к другому этносу и культуре.

В принципе, возможно начать приспособляться к депопуляционным и структурно-возрастным последствиям низкой рождаемости для воспроизводства трудовых ресурсов. В среднесрочной

перспективе нет альтернативы адаптации. В долгосрочном плане адаптация может оказаться более экономически эффективной, чем демографическая политика. Следует помнить, что ничем не компенсированная убыль населения в трудоспособном возрасте не может не привести к замедлению экономического роста, а в перспективе – к сжатию национальной экономики. Эти соображения, однако, пока крайне редко можно слышать в парламентах и средства массовой информации. Тому есть две причины. С одной стороны, сокращение трудовых ресурсов началось лишь в последнем десятилетии в нескольких странах (Германия, Италия, Россия, Япония) и понемногу. С другой стороны, как меры воздействия на репродуктивное поведение, так и меры адаптации к его последствиям крайне сложны и политически остры. Вместе с тем можно предположить, что демографический аргумент будет крепнуть, окажет серьезное воздействие на расстановку политических сил, а потому и будет в полной мере учтен при разработке социально-экономического курса.

Итак, широкое обсуждение проблем народонаселения и в особенности рождаемости имеет давнюю историю. Обоснованные опасения чередовались с неоправданными фобиями и всплесками фаталистического алармизма. Однако, общие элементы, присущие политическому дискурсу в этой области, не должны заслонять особенные черты восприятия общественным сознанием массовой малодетности и бездетности. Две принципиально новых характеристики этого восприятия заключаются в значительном расширении спектра осознаваемых проблем и в повышении уровня просвещенности, информированности, о причинно-следственных связях. Хотя адекватность отражения объективных процессов разнится, комментарии экспертов часто создают достаточно верную картину. Различия в идентификации детерминант низкой рождаемости, порождаемых ею проблем и путей их разрешения нередко отражают главным образом ракурс рассмотрения вопроса. Из этого, однако, не следует, что в дискурсе царит стройный консенсус. Наоборот, существуют глубокие разногласия по некоторым важным вопросам, в особенности по ранжированию причин низкой рождаемости и потенциалу специально направленных на ее повышение мер. Противоречия в массовом восприятии являются как отражением недостаточной научной проработки этих вопросов, так и продуктом осознанного, а нередко и случайного фильтрования информации.

¹ Иванов Сергей Феликсович - Департамент экономических и социальных вопросов Секретариата Организации Объединенных Наций. Выраженные в статье взгляды не обязательно отражают точку зрения Организации Объединенных Наций.

² Finley, M.I. (1970). *Manpower and the fall of Rome*. In *The Economic Decline of Empires*, Carlo M. Cipolla, ed. London: Camelot Press.

³ Süssmilch, Johann Peter (1741). *L'ordre divin dans les changements de l'espèce humaine, démontré par la naissance, la mort et la propagation de celle-ci*; traduit et annoté par Jean-Marc Rohrbasser. Paris: INED [1998]. XXIII-358 p. (Classiques de l'économie et de la population).

⁴ Bossuet, Jacques-Bénigne. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte*. Édition critique avec introduction et notes par Jacques Le Brun. Genève: Droz [1967] xxxiv, 480 p

⁵ Montesquieu, Charles-Louis de Secondat (1734). *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*. Genève: Slatkine Reprints [1971]. iv, xxxvi, 289 p.; Montesquieu, Charles-Louis de Secondat (1748). *De l'esprit des lois*. Texte établi et présenté par Jean Brethe de la Gressaye. Paris: Belles Lettres, 1950-61. 4 volumes. {Монтескье, Ш.Л. 1748) *О духе законов* / Сост., пер. и комментирование примечаний автора. Матешук А.В. - М.: Мысль, 1999. - 672 с., портр. - аИз класс. насл

⁶ Dumont, Arsène (1890). *Depopulation et civilisation, étude démographique*. Paris: Lecrosnier et Babe, 518 p.

⁷ Teitelbaum, Michael S. and Jay M. Winter (1985). *The Fear of Population Decline*. Orlando, Florida: Academic Press.

- ⁸ Brieux, Eugène (1897). *Les trois filles de M. Dupont* (1897). 4-ème édition. Paris: P. V. Stock & cie [1913], 187
- ⁹ Brieux, Eugène (1903). *Maternité*. Pièce en trois actes. 5-ème édition. Paris: P.-V. Stock & cie [1904]. 22
- ¹⁰ Bourget, Paul (1902). *L'étape*. Paris: A. Fayard [1946] 348 p
- ¹¹ Zola, Emile (1899). *Fécondité*. Paris: Bibliothèque-Charpentier, 751 p
- ¹² Sauvy, Alfred et Robert Debré (1946). *Des Français pour la France (le problème de la population)*. – Paris : Gallimard (Problèmes et documents).
- ¹³ Meadows, Donella H. and others (1972). *The Limits to Growth: a Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books, 205 p.
- ¹⁴ United Nations (1972). *Report of the United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, 3-14 June 1992*. United Nations publication, Sales No. E.93.I.8 and corrigenda.
- ¹⁵ Sauvy, Alfred (1973). *Croissance zéro*. Paris: Calmann-Lévy, 328
- ¹⁶ Easterlin, Richard A. (editor). *Population and Economic Change in Developing Countries*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, x, 581 p.
- ¹⁷ Kohler, Hans-Peter and Laura Stark (2000). The Public Perception and Discussion of Falling Birth Rates: The Recent Debate Over Low Fertility in the Popular Press. Max Plank Institute for Demographic Research. WP 2000-009 (<http://www.demogr.mpg.de>).
- ¹⁸ http://old.nasledie.ru/vlact/5_3/article.php?art=7
- ¹⁹ United Nations (2000). Replacement Migration: Is it a Solution to Declining and Ageing Populations? (ST/ESA/SER.A/206)